

Судакова Ольга Николаевна

ЯРМАРКА КАК ЗЕРКАЛО ПОВСЕДНЕВНОГО БЫТИЯ СИБИРСКОГО КУПЕЧЕСТВА

В статье автор исследует культуру повседневности сибирского купечества конца XVIII - начала XX в. Предмет работы - ярмарки Сибири как своеобразное зеркало повседневности торгового сословия. Культурологический анализ историко-экономического и историко-культуроведческого научных материалов позволил автору обосновать положение, что ярмарочная торговля, будучи составной частью повседневности сибирского купечества, отражала нормативное и мета-нормативное поведение ярмарочного торговца.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/9-2/39.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 9 (23): в 2-х ч. Ч. II. С. 166-169. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 008.001.5

Культурология

В статье автор исследует культуру повседневности сибирского купечества конца XVIII – начала XX в. Предмет работы - ярмарки Сибири как своеобразное зеркало повседневности торгового сословия. Культурологический анализ историко-экономического и историко-культуроведческого научных материалов позволил автору обосновать положение, что ярмарочная торговля, будучи составной частью повседневности сибирского купечества, отражала нормативное и мета-нормативное поведение ярмарочного торговца.

Ключевые слова и фразы: культура повседневности; сибирское купечество; ярмарки Сибири; ярмарочная торговля; зеркало; отражение; мета-нормативное поведение.

Ольга Николаевна Судакова, кандидат культурологии, доцент

Колледж водного транспорта

Санкт-Петербургский государственный университет водных коммуникаций

kdoscha@hotmail.ru

ЯРМАРКА КАК ЗЕРКАЛО ПОВСЕДНЕВНОГО БЫТИЯ СИБИРСКОГО КУПЕЧЕСТВА[©]

Средневековые мыслители Европы были убеждены, что все творения мира являются книгой, картиной и зеркалом. Среди множества «творений» культуры, где рядом сосуществуют традиционное, архаичное, новое и новейшее, выделяется ярмарка. За свою многовековую историю российская ярмарка из большого торгового съезда, приуроченного к определённому сроку, сложилась в своеобразный феномен отечественной культуры, став предметом научного интереса историков, экономистов, фольклористов, искусствоведов и музыковедов. Вследствие этого в отечественной научной литературе ярмарка получила следующую интерпретацию – это «зеркало экономической культуры России» [3, с. 5], «основная форма торговли», «универсальный магазин» [9, с. 23, 144], «микромир российской действительности» [6, с. 192], «городская зрелищная культура» [10, с. 10], «средство реализации городской фольклорной культуры» [19, с. 200], «образно-звуковой текст культуры» [8, с. 176] и пр. Таким образом, российскими исследователями в ярмарочной проблематике было обозначено два направления - социально-экономическое и историко-культуроведческое. Если для первых культурная составляющая ярмарки – поведение купечества, зрелища и развлечения уходят на второй план [1; 3; 9], то для большинства исследователей ярмарочной культуры на втором месте находится торговая деятельность купцов [8; 10; 19]. В культурологии же до сих пор отсутствуют работы, посвящённые ярмарке как структурному элементу культуры повседневности купечества. Данное обстоятельство обусловило написание настоящей статьи, цель которой культурологический анализ сибирских ярмарок, проходивших в конце XVIII – начале XX в. и отражающих культуру повседневности купечества избранного региона. Материалом для данной работы послужили монографии зарубежных и отечественных учёных, а также рукописи диссертационных исследований, в которых ярмарки в целом и сибирские, в частности, были предметом изучения.

Прежде чем приступить к обоснованию ярмарки в качестве элемента повседневного бытия сибирской купечества, остановимся на избранном автором подходе исследования. Зеркальность как модус познания мира, человека и культуры, по мнению философа В. А. Синкевича, имеет два уровня. Если на первом уровне объёмный мир отображается зеркалом плоскостным и двухмерным, то на втором - зеркало сознательно помещается в объект отражения, благодаря чему происходит самоотражение объекта. Именно второй уровень делает всё невидимое видимым и актуально зримым. Зеркало, находясь в объекте отражения, способствует рассмотрению его динамического процесса [16, § 2]. Опосредованное отражение зеркалом социальной истории и различных сфер человеческой жизнедеятельности, пишет В. А. Синкевич, породило определенные типы зеркал/зерцал. В частности, известен древнеиндийский трактат Надикесвара под названием «Зеркало жестов и мимики». Европейское Средневековье знало «королевские зеркала», «саксонское» и «каролингское» зеркала, «зеркало монахов». Теория музыки XIV века была объединена Якобусом из Льежа в трактат «Зеркало музыки». В период петровских реформ в России появляется «Честной юности зеркало» [Там же, § 7], а в начале минувшего века писатель Л. Н. Толстой был объявлен «зеркалом русской революции» [7].

Наряду с названными типами принцип зеркального познания в ходе своего развития приобрёл разнообразные формы (протест, ирония, самовыражение, самокритика) и своеобразные «лики» (зеркало - соперник, зеркало - источник самолюбия и др.), способными отражать определенные ситуации и создавать условия смотрящих в них [16, § 4, 6, 7]. Исходя из сказанного, «зеркало» автором статьи будет пониматься не в обыденно-практическом смысле, а в качестве инструмента исследования.

Яркий представитель «школы Анналов» Ф. Бродель, исследуя структуры повседневности XV-XVIII столетий, ярмарки наряду с биржами поставил в центр «большой торговой жизни». Ярмарка, по его мнению, есть «живой институт», возраст происхождения которой не мешает ей приспособливаться к жизненным обстоятельствам. Основное назначение ярмарки как феномена повседневности, по утверждению учёного, заключается в разрывании узкого круга обычных обменов, обусловленное либо желанием жителей деревни

«заставить добираться» до них необходимых товаров, либо мобилизацией «экономики обширных регионов». Милости, вольности, льготы, гарантии и привилегии, предоставляемые ярмаркам правителями европейских государств, пусть даже на короткое время, способствовали тому, что они стали «из ряда вон выходящими сборищами», «эфмерными городами», участие в которых принимало большое количество людей. И хотя отличие ярмарки от рынка выражается в доступности первой для всех, в народном гулянии, вседозволенности, жизни на выворот, главными действующими персонажами ярмарок, пишет Ф. Бродель, оставались купцы-оптовики. Именно купечество сделало ярмарки местом своих встреч для совершения крупных сделок и предъявления долгов по кредитам. Вследствие чего ярмаркам приписывается если не изобретение кредита, то его создание и развитие [2, с. 53-54, 60-61].

Чтобы стать ожидаемым, неизбежным, обязательным, привычным, т.е. повседневным в деятельности купечества, будучи периодически проводимой, ярмарочная торговля обладала календарной повседневностью. Как считает учёный, календарь показывает взаимозависимость ярмарок и купцов, выражающуюся в постоянном переезде вторых с одной ярмарки на другую, а также необходимости перерывов между ярмарками в определенном месте для восстановления «спроса и предложений». Такой годичный круговорот ярмарок вовлекал в «вечное движение» купцов, товары, деньги и кредит [Там же, с. 62]. Таким образом, ярмарочная торговля в XV-XVIII вв., согласно Ф. Броделю, являлась составной частью повседневного бытия купеческого сословия.

Исследователи истории внутренней торговли России и Сибири сходятся во мнении, что ярмарки Нового и Новейшего времени представляли высшую форму периодической торговли. Правительство наделяло участников российских ярмарок различными привилегиями, например, освобождало от платежа всяких пошлин, исключение составляли лишь купцы третьей гильдии и мещане. Установленный при Екатерине II порядок учреждения новых ярмарок просуществовал без изменения до отмены крепостного права, после с небольшой редакцией - вплоть до начала прошлого века [9, с. 106]. В общем, либерально-покровительственное отношение правительства к периодической торговле благоприятствовало её развитию. И если закат европейских ярмарок приходится на конец XVIII века, после чего они начинают восприниматься уже как архаичная форма обмена, то российские ярмарки в этот период только начинают формировать ярмарочную торговую систему. По мнению Ф. Броделя, в этом заключается «исключительность» ярмарки как феномена культуры. Как только экономическая сфера ускоряется, ярмарочная торговля «пребывает в застои», и наоборот - она «переживает подъём, когда всё вокруг в упадке» [2, с. 64].

Востребованность ярмарочной торговли в Сибири объясняется учёными следующими причинами: обширностью сибирской территории и, как следствие этого, разнообразием природно-климатических условий; низкой плотностью населения - отсюда большая отдалённость населённых пунктов друг от друга; неразвитостью сухопутных путей сообщения между городами, сёлами и деревнями [12, с. 134; 18, с. 72 и др.]. Называют сибиреведы и причины, связанные с решением повседневных проблем. Согласно прошением, подаваемым в вышестоящие органы власти чиновниками, купцами, мещанами и крестьянами, необходимость учреждения той или иной сибирской ярмарки истолковывалась ими как ожидаемое увеличение поступлений доходов в городскую казну; решением вопросов по заготовке продовольствия и промышленных товаров для рабочих и служащих горнозаводских производств Алтая; способствованию в условиях натурального хозяйства приобретению денег крестьянами для уплаты различных налогов и пр. [18, с. 63, 67, 76]. Таким образом, в Сибири была высокая необходимость периодического института обмена - ярмарочной торговли, а вместе с ней и услуг торговцев-посредников.

Законодательство Российской империи разделяло ярмарки на главные и обыкновенные, городские и сельские. Научную классификацию российских ярмарок разработал Б. Н. Миронов, предложив разделять их по сумме товарооборота (мелкие, средние, крупные), по распределению в течение года (ранняя весна, лето, ранняя осень, зима), по продолжительности (оптовые, узловые, розничные) [9, с. 121-133]. Однако специфика освоения региона, по мнению сибиреведов, обусловила выделение особых групп ярмарок. В частности, историк Т. К. Щеглова, изучающая ярмарки Томской губернии и Колывано-Воскресенского (ныне Алтайского) горного округа, выделяет притрактовые, окружные и специализированные (пушные, мануфактурные, жировые) ярмарочные торги [18, с. 73]. Ярмарки, проходившие в Иркутской губернии, В. П. Шахеров подразделяет на городские, притрактовые, собирающие продукцию ближайших сёл и деревень, «плавающие», располагающиеся в населённых пунктах по берегам рек. Отдельно он выделил сельские ярмарки, специализирующиеся на определённых видах промысловой продукции. Например, в устье реки Селенги до середины XIX века действовала рыбная Чертовкинская ярмарка [17, с. 135]. В начале прошлого века весь спектр ярмарок, проходивших на территории Сибири, по мнению О. Н. Сидорчук, условно разделяется на три основных типа: региональные ярмарочные торги, экспортно-ориентированные и меновые ярмарки [15, с. 75-76]. Из сказанного следует, что в различных «ликах» зеркала-ярмарки в первую очередь отражается иерархия сибирского купечества, где на низшей ступени иерархической лестницы находятся ярмарочные торговцы, действующие на мелких сельских ярмарках, а на верхней - оптовые купцы, торгующие на межрегиональных ярмарках. Купцы второй и третьей гильдий, занимающиеся торгом на городских и крупных сельских ярмарках, были в середине этой иерархии. В типовом разнообразии зеркал-ярмарок также отображается тип купца, специализировавшийся исключительно на беспошлинной ярмарочной оптовой или розничной торговле.

Выше отмечалось, что отображающая поверхность всегда имеет определённую форму. Отечественные и зарубежные историки сходятся во мнении, что ярмарочная торговля независимо от государства имела

следующие формы - ярмарочную сеть, ярмарочный круг или цепь [1; 2; 9; 18], ярмарочный район [6]. Конечно, достаточно трудно представить себе зеркало в форме сети или цепи, однако рассмотрим их детально.

Ярмарочная сеть, по утверждению Б. Н. Миронова, представляет собой систему, элементами которой являются регулярные городские и сельские ярмарочные торги с неизменными сроками, местом и временем проведения. В основе существования этой системы находятся два принципа - взаимодействие ярмарок и разделение труда между ними [9, с. 163]. Ярмарочные сети Сибири, утверждают сибиреведы, начав складываться на рубеже XVIII-XIX вв., к XX столетию представляли собой уже сложную структуру. Крупными единицами в этой структуре были западносибирская и восточносибирская ярмарочные сети. Различались эти сети по своим конечным целям, так годовой круг западносибирской сети заканчивался и начинался на Ирбитской ярмарке, а восточносибирской сети на Нижегородской (Макарьевской) ярмарке. Отличительным свойством восточносибирской сети была её наибольшая замкнутость [15, с. 75]. Исследователи XIX века, в частности Г. Н. Потанин, подобное географическое разделение сетей выводил из специализации, так как в западносибирской сети преобладали товары сельского хозяйства и бортничества, а в восточносибирской - дорогостоящие меха и чай. Вследствие этого купцы городов Восточной Сибири с легкими для провоза, но одновременно дорогими товарами (мех, чай) преодолевали расстояние на тысячу верст западнее, чем западносибирские торговцы [11, с. 238]. Современные учёные причину разделения сетей видят в сложившемся торговом обмене между сельскохозяйственным производителем Западной Сибири и населением горнозаводского Урала, занятого промышленным трудом [18, с. 202].

Далее каждая ярмарочная сеть делилась внутри себя на более мелкие, например, в Западной Сибири выделяют ярмарочные сети Томской губернии и Колывано-Воскресенского (ныне Алтайского) горного округа, сеть сельских ярмарок вдоль Московско-Сибирского тракта [Там же, с. 133]. Малые сети восточносибирской действовали в границах Енисейской, Иркутской губерний и Забайкальской области [15, с. 74]. Здесь же, по мнению В. П. Шахерова, была достаточно развита ярмарочная сеть Байкальской Сибири [17, с. 133]. Несмотря на критерии ярмарочной сети, предложенные Б. Н. Мироновым, анализ работ исследователей ярмарочной торговли выявил отсутствие чёткого разделения ими понятий «сеть» и «район», «сеть» и «цепь» [6; 15; 17]. Это обстоятельство не даёт возможности увидеть полный состав малых сетей, входящих в более крупные сети Сибири. Однако в сложной структуре сибирских ярмарочных сетей отражается повседневное культурное и этнокультурное взаимодействие «города и села» [5, с. 143], различных этносов Сибири [12; 14], являющееся своеобразным ключом к реконструкции культуры повседневности сибирского купечества.

Сущность ярмарочного круга или цепи заключается в последовательной на протяжении года смене нескольких ярмарок, на которые переезжали почти одни и те же купцы и товары. Как видим, здесь российские учёные продолжают мысль Ф. Броделя о годичном круговороте ярмарок. Ярмарочная цепь увязывалась особым календарем. Согласование сроков проведения крупных оптовых межрайонного и всероссийского значения ярмарок осуществлялось специальными указами правительства. Усилиями первогильдейского купечества, действовавшего в пределах губернии, согласовывались сроки важных губернских ярмарок. И совместными стараниями уездного купечества и местного начальства составлялась последовательная цепь из наиболее значительных уездных ярмарок [9, с. 215-217]. Согласно исследованию И. С. Аксакова, купец должен был на каждой ярмарке разложить, а по её окончании вновь сложить товары. Подобная операция повторялась двадцать раз. Переезд от одного ярмарочного пункта до другого в течение года мог составить 2405 вёрст [1, с. 19]. Восточносибирские купцы, получив товары с главной ярмарки, вначале реализовывали их в декабре в Иркутске, затем в январе переезжали на Верхнеудинскую ярмарку и далее в Кяхту. К марту возвращались в Иркутск на вторую ярмарку уже с китайскими товарами, а в мае выезжали на Ленские и Якутские ярмарки. В сентябре торговцы вновь собирались в губернском центре с большими партиями пушнины и ждали новых обозов с российскими и европейскими товарами [17, с. 135].

Таким образом, в зеркале ярмарочной цепи видны не только проблемы перевозки товара и его сохранности. В увеличении сроков проведения сибирских ярмарок, в сравнении с Европейской частью России, отражаются расстояния, исчисляемые десятками и сотнями вёрст, между ярмарками и другими населёнными пунктами, а также торговые технологии того времени, когда купцы просто дожидались «хороших цен» в надежде выгоднее сбыть, обменять или дешевле купить товар.

Ярмарка не только торг, но праздник и веселье. С содержанием пословицы, гласящей о том, что возвращение с ярмарки не подобно возвращению с рынка, согласны многие исследователи. Атмосферу всенародного праздника усиливало также время проведения ярмарок, которые, как правило, проходили в дни общехристианских праздников или местночтимых святых. Праздник обеспечивался обязательным включением в пространство ярмарки трактиров, кабаков, центров увеселений [10, с. 5; 19 с. 199]. Однако каждый праздник, считает С. Е. Юрков, манифестирует собой какую-либо идею, отсюда идейная подоплёка ярмарочных увеселений – демонстрация победы над монотонией повседневности, торжество над рутинной. По этой причине всякий элемент ярмарочной жизни окрашивался в тона, резко контрастирующие с обыденностью, и, как следствие этого, поведение на ярмарке становилось мета-поведением, т.е. выходящим за границы норм, предписанных или рекомендуемых системой официальной идеологии в виде поведенческого эталона [19, с. 202].

Некоторые официальные документы, описывающие сибирские ярмарки, мемуарная, периодическая и научная литература содержат немало примеров мета-нормативного поведения купечества во время ярмарочных торгов. Здесь и смешение набожности с гульбой, и «обмывание» удачной сделки в компании с «Вдовой Клико», и пьяный кураж, и сексуальные отношения вне брака и пр. Справедливости ради следует сказать, что

мета-нормативным поведением на ярмарках отличались представители всех сословий и слоёв Российской империи [5, с. 142]. Автор статьи поддерживает мнение исследователей о том, что ярмарка была формой реализации мета-нормативного поведения, а всякая ярмарочная чрезмерность указывает на лишённость, нехватку чего-то в иной области жизни, компенсацией к чему она выступает [19, с. 207]. Таким образом, происходило «оживление» повседневного бытия купечества за счёт деструкции привычных поведенческих норм и хаотизации, что в конечном счёте примиряло людей с длинными переездами, понесёнными в дороге убытками, долгим ожиданием своего покупателя, то есть с трудными и жёсткими условиями ярмарочной торговли.

Итак, культурологический анализ сибирских ярмарок как самостоятельного культурного артефакта позволил автору статьи синтезировать историко-экономический и историко-культуроведческий материал и выявить следующее. Во-первых, ярмарка обладает специфическими имманентными свойствами, одним из которых является отражение повседневности сибирского купечества. Во-вторых, ярмарка, будучи экономически, социально и культурно востребованным средством развития региона, стала причиной формирования особого типа ярмарочного торговца, который одновременно выступал в роли продавца и покупателя. В-третьих, в зеркале сибирских ярмарок обнаруживаются не только обыденное сословное поведение купечества, но и мета-поведение, обусловленное праздничной ярмарочной ситуацией.

Список литературы

1. Аксаков И. С. Исследование о торговле на украинских ярмарках // Труды Императорского русского географического общества. СПб., 1858. С. 1-49.
2. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV-XVIII вв. / пер. с фр. Л. Е. Куббеля. Изд-е 2-е. М.: Весь Мир, 2006. Т. 2. Игры обмена. 672 с.
3. Канделаки И. П. Роль ярмарок в русской торговле. СПб.: Ред. период. изд. М-ва финансов, 1914. 60 с.
4. Кит Т. В. Ярмарочно-выставочное движение как фактор социально-экономического развития Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX в.: дисс. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2010. 268 с.
5. Куприянов А. И. Русский город в первой половине XIX века: общественный быт и культура горожан Западной Сибири. / под ред. Г. А. Бордюгова. М.: АИРО-XX, 1995. 160 с.
6. Лейман И. И. Ярмарки на Европейском Севере России: дисс. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2007. 243 с.
7. Ленин В. И. Лев Толстой как зеркало русской революции. М.: Политиздат, 1969. 24 с.
8. Лунина А. Е. Ярмарочное действо в творчестве русских композиторов: образность, драматургия: дисс. ... канд. искусствоведения. Киев, 2009. 281 с.
9. Миронов Б. Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. Л.: Наука, 1981. 256 с.
10. Некрылова А. Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища: конец XVIII – начало XX века. Л.: Искусство (Ленинградское отделение), 1984. 256 с.
11. Потанин Г. Н. Города Сибири // Сибирь, её современное состояние и её нужды. СПб., 1908. С. 235-259.
12. Разгон В. Н. Сибирское купечество в XVIII - первой половине XIX в.: региональный аспект предпринимательства традиционного типа. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. 660 с.
13. Резун Д. Я., Беседина О. Н. Городские ярмарки Сибири XVIII - первой половины XIX в.: ярмарки Восточной Сибири. Новосибирск: ВО «Наука»; Сибирская издательская фирма, 1993. 140 с.
14. Резун Д. Я., Беседина О. Н. Городские ярмарки Сибири XVIII - первой половины XIX в.: ярмарки Западной Сибири. Новосибирск: ВО «Наука»; Сибирская издательская фирма, 1992. 157 с.
15. Сидорчук О. Н. Сибирские ярмарки во второй половине XIX – начале XX в.: дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2001. 261 с.
16. Синкевич В. А. Феномен зеркала в истории культуры [Электронный ресурс]: философское эссе. СПб., 2006. 66 с. URL: zhurnal.lib.zu/s/sinkewich_w_a_/mirror.shtml (дата обращения: 21.01.11).
17. Шахеров В. П. Экономика сибирского дореформенного города (на материалах городов Байкальской Сибири): монография. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2011. 256 с.
18. Щеглова Т. К. Ярмарки Юга Западной Сибири в XIX - начале XX века: из истории формирования и развития всероссийского рынка. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2001. 504 с.
19. Юрков С. Е. Эстетика мета-нормативного поведения в русской культуре XI – начала XX века: дисс. ... д-ра филос. наук. СПб., 2004. 319 с.

FAIR AS MIRROR OF SIBERIAN MERCHANTS' EVERYDAY BEING

OI'ga Nikolaevna Sudakova, Ph. D. in Culturology, Associate Professor
College of Water Transport
St. Petersburg State University of Water Communications
kdoscha@hotmail.ru

The author studies the culture of Siberian merchants' everyday life of the end of the XVIIIth – the beginning of the XXth century, considers the fairs of Siberia as the peculiar mirror of merchant class's everyday life, and conducts the culturological analysis of historical-economic and historical-cultural scientific materials that allows substantiating the proposition that fair trade, which was an integral part of Siberian merchants' everyday life, reflected the normative and meta-normative behaviour of a fair trader.

Key words and phrases: culture of everyday life; Siberian merchants; fairs of Siberia; fair trade; mirror; reflection; meta-normative behaviour.